

ОБЕЩАНИЕ ЖЕНИТЬСЯ КАК ЧАСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО
И ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО,
МЕДИЙНОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСОВ)

Promise to Marry as a Part of the National Linguocultural Space
(on the Example of Russian and Spanish Legal,
Media and Literary Discourse)

Ларионова Марина Владимировна
larionova.m@list.ru

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации –
МГИМО МИД России (Москва, Россия)*

Фокина Александра Дмитриевна
alexandra-fokina@mail.ru

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации –
МГИМО МИД России (Москва, Россия)*

Marina V. Larionova
larionova.m@list.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation – MGIMO University (Moscow, Russia)

Aleksandra D. Fokina
alexandra-fokina@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation – MGIMO University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 10.03.2024

Fecha de evaluación: 18.12.2024

Cuadernos de Rusística Española n° 20 (2024), 49 - 67

РЕЗЮМЕ

Цель статьи заключается в проведении, впервые в испанистике, сквозь призму дискурсивного контекста (юридического, медийного и литературного) контрастивного анализа вербализации обряда помолвки и последствий её расторжения в русской, испанской и некоторых латиноамериканских культурах. Изучение взаимных соответствий и отличий ритуала обручения как социально ориентированной модели поведения, вербально зафиксированной в правовых документах, литературных произведениях и медийных

текстах, раскрывает универсальность и одновременно национальную специфичность традиций народов разных стран, проявляющуюся в дискурсе как интегративной области знания.

Обещание жениться как сообщение об обязательстве заключить брак и обещание как перформативный речевой акт обладают лингвокультурной спецификой, которая детерминруется, среди прочих, коммуникативными, фактуально-событийными, юридическими и ценностными доминантами, отражающими национально-языковую картину мира и когнитивные представления народа. Исследование ключевых характеристик ритуала помолвки, вербализованного в различных типах дискурса, и коммуникативного акта обещания жениться проводится в русле дискурсивной герменевтики – перспективного направления современной дискурсологии, учитывающего культурно-исторические, социальные, философские, ментальные и языковые характеристики при интерпретации коммуникативных единиц, репрезентирующих концепты и феномены культуры.

Авторами установлены словарные значения и особенности использования лексем, связанных с помолвкой, их сходства и отличия в русскоязычной и испаноязычной культурно-языковой и дискурсивной среде. Осуществлен обзор нормативно-правового регулирования помолвки в римском праве, в праве России, Испании, ряда стран Латинской Америки с целью выявления национально-культурного своеобразия этого ритуала, вербализирующегося в речевом акте обещания, и установления последствий его неисполнения. Обещание жениться в юридическом дискурсе проанализировано с позиции теории речевых актов, и подтверждена гипотеза о том, что речевые акты, совершаемые в ходе помолвки, обладают свойствами перформативности в тех странах, где помолвка сохраняет правовые последствия. Также проиллюстрирован морально-нравственный смысл обещания жениться и его неисполнения на примере литературных произведений.

Ключевые слова: герменевтика, лингвокультура, дискурс, перформативность, речевой акт, помолвка

ABSTRACT

The aim of the article is to conduct, for the first time in Spanish studies, a contrastive analysis of the verbalization of the engagement ritual and the consequences of its dissolution in Russian, Spanish and some Latin American cultures through the prism of discursive contexts (legal, media and literary). The study of mutual correspondences and differences of the betrothal ritual as a socially oriented model of behaviour verbally recorded in legal documents, literary works and media texts reveals the universality and at the same time national specificity of traditions of peoples of different countries, manifested in discourse as an integrative field of knowledge.

The promise to marry as a message about the obligation to marry and the promise as a performative speech act have linguocultural specificity, which is determined, among others, by communicative, factual and eventual, legal and value dominants, reflecting the national-linguistic picture of the world and cognitive representations of the people. The study of the main characteristics of the engagement ritual verbalized in different types of discourse and of the communicative act of promising to marry is performed in the context of discourse hermeneutics – a perspective branch of modern discursology, which considers cultural-historical, social, philosophical, mental and linguistic characteristics when interpreting communicative units representing concepts and cultural phenomena.

The authors have established dictionary meanings and peculiarities of the use of lexemes related to engagement, their similarities and differences in Russian- and Spanish-speaking cultural, linguistic and discursive environment. The review of legal regulation of engagement in Roman law, in the law of Russia, Spain, a number of countries of Latin America is carried out in order to reveal the national-cultural identity of the ritual, verbalized in the speech act of promise, and to find out the consequences of its non-fulfilment. The promise to marry in legal discourse is analysed from the position of speech act theory and the hypothesis that the speech acts performed during the engagement have the properties of performativity in those countries where the engagement retains legal consequences is confirmed. The moral and ethical meaning of the promise to marry and its non-fulfilment is also illustrated on the example of literary works.

Keywords: hermeneutics, linguistic culture, discourse, performativity, speech act, engagement

ВВЕДЕНИЕ

Помолвка, или обручение (лат. *mentio et repromissio nuptiarum futurarum*), – элемент культуры, возникший в древности в качестве обычая у многих народов, а также один из старейших правовых институтов, имеющих длительную историю в обществе (Косарева 2007: 99). Сущность помолвки как предварительного согласия на заключение брака состоит во взаимном обещании двух людей вступить в брачный союз, которое изначально являлось обязательным этапом, предшествовавшим свадьбе, служило некой гарантией заключения брака и имело не только бытовые, но и юридические последствия. В большинстве современных государств помолвка перестала быть обязательной частью свадебного обряда и сохранилась исключительно как красивая традиция.

Цель статьи заключается в проведении сквозь призму дискурсивного контекста (юридического, медийного и литературного) контрастивного анализа вербализации обряда помолвки в русской, испанской и некоторых латиноамериканских культурах. Выявление взаимных соответствий и отличий ритуала обручения как социально ориентированной модели поведения, вербально зафиксированной в правовых документах, литературных произведениях и медийных текстах, раскрывает универсальность и одновременно национальную специфичность традиций народов разных стран, проявляющуюся в дискурсе как интегративной области знания.

Исследовательская задача состоит в рассмотрении ключевых характеристик ритуала помолвки, вербализованного в юридическом, медийном и литературном дискурсах, и связанного с ним вербального акта обещания жениться в русле *теории дискурсивной герменевтики* – одного из перспективных направлений современной дискурсологии, учитывающих культурно-исторические, социальные, философские, психологические, ментальные и языковые характеристики при интерпретации коммуникативных единиц, репрезентирующих различные понятия, концепты, феномены культуры (Гадамер 1991: 6–16; Григорьев 2002; Кашин 2000; Малахов 2010; Нестеров 2005; Растье 2001; Шлейермахер 2004 и др.).

Знание лингвокогнитивных особенностей культуры других стран, традиций и образа жизни народа, прагматики дискурсивного общения и поведения, способствующих уважению, взаимопониманию и успешному диалогу, определяет *актуальность* изучения специфики социально-культурных концептов в их дискурсивной реализации.

Ритуал помолвки является важной частью обрядовой жизни народа и обладает рядом национально-специфичных признаков, отличающихся в разных лингвокультурах. Как лингвосемиотический знак дискурсивного пространства помолвка имплицитно, помимо ключевых, совпадающих параметров, дополнительные смыслы, которые остаются скрытыми для представителей иных лингвокультур и требуют дополнительных знаний, разъяснений. Культурные доминанты обряда обручения, исторически закреплённые ценностные ориентиры, поведенческие реакции, этические императивы, свойственные определённой лингвокультуре, фиксируются в лексикографических источниках, пословицах и поговорках как компонентах паремиологического дискурса, текстах юридических документов, медийных публикациях и литературных произведениях. Герменевтический подход к дискурсивной интерпретации *ранее не изучавшихся* в испанистике символических,

интенциональных и прагматических смыслов концепта «помолвки» и речевого акта обещания жениться как его составляющей части даёт возможность раскрыть глубинные аспекты понимания культуры и национального мышления, определяющих сознание и поведение народа той или иной страны, и определяет *научную новизну* предлагаемого в статье исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалами исследования послужили тексты законов России, Испании и ряда государств Латинской Америки, юридическая литература, публикации в СМИ, литературные произведения как дискурсивные источники, в которых вербализируется концепт «помолвка» и речевой акт «обещание жениться», а также словарные дефиниции, фразеологизмы. Всего проанализировано более 350 дискурсивных примеров вербализации рассматриваемого культурного феномена «обручения» на русскоязычном и испаноязычном материале. В статье используются языковые примеры, взятые из публикаций в качественной российской и испаноязычной прессе: в электронных версиях изданий Газета.РУ, Независимая газета, EL PAÍS, ABC, El Mundo, El Cordillerano, Revista Gente, El Confidencial и др., а также в информационных каналах и агентствах www.rbc.ru, <https://sport24.ru>, <https://efe.com> и др.

Методика исследования основана на синтезе сравнительно-сопоставительного, сравнительно-правового, социолингвистического и дискурсивного анализа вербализаций ритуала «помолвка» в русской, испанской и ряде латиноамериканских лингвокультур с точки зрения истории, права, национальных традиций, языка и литературы в русле теории дискурсивной герменевтики как учения о принципах толкования текстов, интерпретации языковых, интенциональных, культурных смыслов, заложенных в различных типах дискурса. Полипарадигмальные дискурсивные исследования лингвокультурных феноменов обладают особым потенциалом, обеспечивающим разрешение важной для современного общества проблемы национальной идентичности (Богданова 2018: 82).

В ходе исследования проверяется состоятельность следующей гипотезы: в юридическом дискурсе помолвка как взаимное обещание вступить в брак, выраженное в различных речевых актах, обладает свойствами перформативности не только в качестве акта обещания, но и акта принятия на себя правовых последствий в случае неисполнения обещания; в медийном дискурсе помолвка освещается в качестве ритуала, привлекающего внимание своей зрелищностью и (или) известными участниками, в то время как разрыв помолвки ввиду его непубличности не выступает элементом данного вида дискурса; в литературном дискурсе перформативность обещания жениться нейтрализуется, но актуализируется его прагматика, связанная с морально-нравственными последствиями нарушения помолвки и налагаемых в этой связи обязательств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Помолвка: лексикографическое описание, словарные дефиниции, паремии

Словарные дефиниции толковых и энциклопедических словарей представляют собой описание понятий и называющих их слов, которые логически систематизируют знания об окружающем мире, интегрируют семантическую и прагматическую информацию, отражающую историю, культуру и быт народов, и функционируют как особого рода металингвистические тексты (Апресян 2006; Караулов 1988). Русские и испаноязычные лексикографические описания лексем семантической группы «помолвка» отражают совокупность таких общих и отличительных характеристик понятий, обозначаемых соответствующими словами, которые являются существенными и достаточными признаками для определяемых концептов в разных лингвокультурах.

В русском языке для обозначения обещания жениться используются существительные «помолвка», «сговор», «обручение» и «предложение» (в качестве сокращения полного варианта – «предложение руки и сердца»).

В.И. Даль определяет глагол «помолвить» как сговорить, просватать: например, чета помолвлена, дано слово родителями (1882: 282). Глагол «обручить» означает надеть кольца на жениха и невесту при чтении молитв, а «обрученье» – третий обрядливый вечер до свадьбы после сватовства и помолвки (1881: 636). Следует отметить, что существительное «предложенье» ни в одном из указанных в словаре В.И. Даля значений не имеет семантической связи с заключением брака (1882: 398), из чего следует, что в конце XIX века для этого термина не была характерна синонимия с обручением или помолвкой.

В словаре С.И. Ожегова проведены следующие различия между тремя исследуемыми терминами: «предложение» определяется как просьба стать женой (в словосочетаниях «сделать предложение» и «принять предложение»), «помолвка» – как обряд, следующий за сватовством и предшествующий обручению, а «обручение» – как следующий за помолвкой обряд, во время которого надеваются кольца жениху и невесте (1999: 365).

Схожие различия представлены и в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова: «предложение» – это заявление женщине о своём желании вступить с нею в брак; уточняется, что это значение возникло из выражения «предложение своей руки и сердца» (1939: 715); «помолвка» – это обряд объявления лиц женихом и невестой (1939: 567), а «обручение» – церковный обряд, в ходе которого жениху и невесте надеваются кольца (1938: 705). Несмотря на разницу дефиниций, в скобках отмечено, что «обручение» означает то же, что «помолвка».

На основании словарных статей следует заключить, что в русском языке концепты «помолвка» (сговор) и «обручение», изначально являвшиеся разными этапами ритуализированного процесса заключения брака, прошли путь постепенного семантического сближения, а «предложение» как термин, связанный с заключением брака, стал использоваться в более поздний период в значении неформального заявления о намерении вступить в брак.

В Словаре испанского языка Королевской академии испанского языка приводятся два значения существительного *esponsales*: во-первых, это взаимное

обещание вступить в брак (*mutua promesa de casarse*), данное и принятое членами пары; во-вторых, в правовой сфере термин определяется как обещание заключить брак (*promesa de matrimonio*), сделанное в одной из форм, требуемых законом для того, чтобы иметь гражданско-правовые последствия в виде простого возмещения убытков в исключительных случаях его необоснованного нарушения (RAE DLE). Более лаконичное терминологическое определение приводится в Словаре испанского юридического языка Королевской академии испанского языка: обручение (*esponsales*) – это взаимно принятое обещание вступить в брак (*promesa de matrimonio mutuamente aceptada*) (RAE DPEJ). Однако в некоторых юридических статьях приоритетно используется термин *promesa de matrimonio*, в то время как *esponsales* указывается в качестве устаревшего (Ariño, Faus).

Лексемы, связанные с прагматической ситуацией «помолвка» и имплицитующие концепт «обещание», активно функционируют как компоненты паремий. Их сравнительно-сопоставительный анализ выявляет национальную специфику концептуализации и вербализации акта обещания как части поведения в различных лингвокультурах, что имеет особую актуальность в условиях доминирования антропоцентрической парадигмы исследований в языкознании (Ларионова, Демкина 2020: 28).

Помолвка как акт обещания закрепилась в русском языке в пословице «Обещать не значит жениться», которая используется, с одной стороны, для выражения неуверенности в исполнении полученного обещания, а с другой – в качестве оправдания в тех ситуациях, когда не удаётся сдержать данное кому-либо слово.

В испанском языке отсутствует прямой эквивалент русской пословицы, однако существует несколько паремий, связанных с обещанием как актом согласия или обязательством лица что-либо выполнить. Так, пословица *Lo prometido es deuda* («Обещанное – это долг») используется для напоминания о необходимости выполнения данного кому-либо слова или взятого на себя обязательства (Sevilla Muñoz et al. 2009), её русским аналогом может считаться «Долг платежом красен». Сомнения в исполнении обещанного передаёт пословица *Cosa prometida es medio debida* («Обещанное – это наполовину обязательное»), которая имеет и более развёрнутую версию: *...y debida enteramente si quien promete no miente* («... но обязательное в полной мере, если тот, кто обещает, не врёт»). Лёгкость, с которой порой не исполняются обещания, закреплена в пословице *Prometer y no cumplir, mil veces lo vi* («Обещать и не исполнить – я видел это тысячу раз»). В качестве синонимичных пословиц, отражающих несовпадение слова и дела, и длительность ожидания исполнения обещаний, укажем следующие: *Del dicho al hecho hay gran trecho* (аналог русских пословиц «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «Обещанного три года ждут»), *La lengua larga es señal de mano escasa* (досл. «Длинный язык – признак скупой руки»). Особым своеобразием отличаются испанские пословицы о неисполнении обещания, содержащие отсылки к топонимам: *El Escudero/El Hidalgo de Guadalajara, de lo que promete a la noche no hay nada a la mañana* (досл. «Оруженосец/Идальго из Гвадалахары – из того, что обещает вечером, наутро ничего нет»); *Los de Peñaranda, lo que dicen a la noche no lo cumplen a la mañana* (досл. «Люди из Пеньяранды – то, что говорят вечером, не исполняют наутро») (Sevilla Muñoz et al. 2009). Близкими по смыслу к русской

пословице «Обещать не значит жениться» следует считать следующие испанские пословицы, отражающие несоответствие акта обещания и акта его исполнения: *Una cosa es prometer y otra cosa es dar grano* («Одно дело – обещать, а другое дело – собрать урожай»), *Una cosa es prometer y otra mantener / cumplir* (досл. «Одно дело – обещать, а другое дело – сдерживать слово/исполнить»). Редким примером пословицы, связанной с обещаниями, которые даются перед заключением брака, в испанском языке является *La novia, de contado, y el dote, de prometido* (досл.: «Невеста на месте, а приданое – в уме») – «Обещанного три года ждут» (Левинтова и др. 1985: 443).

Помолвка в медийном дискурсе

Исследование примеров употребления лексем семантической группы «помолвка» в медийных текстах демонстрирует, что современные русскоязычные СМИ не используют устаревшее существительное «обручение», отдавая предпочтение однокоренному глаголу «обручиться», существительному «помолвка» в словосочетаниях «объявить о помолвке», краткому причастию «помолвлены», выражению «запланировать свадьбу»: «[...] обручились после двух лет отношений» и далее «[...] помолвлены после двух лет отношений»¹; «[...] теннисисты [...] объявили о помолвке»²; «[...] обручились: Адель запланировала вторую свадьбу на лето»³. Также часто используется выражение «сделать предложение»: «Россиянин сделал предложение руки и сердца в метро [...]»⁴. Вышеуказанные номинации в медийной среде встречаются преимущественно в бытовых контекстах в разделах «Светские новости», не обладают терминологичностью, но являются стилистически значимыми, способствуя большей текстовой выразительности и эмоциональности.

В испаноязычном медийном дискурсе юридические термины *promesa de matrimonio* и *esponsales* практически не используются, а предпочтение отдаётся иным синонимичным словосочетаниям:

pedido de casamiento («просьба о заключении брака»): [...] *Ricardo se arrodilló ante Lucía, [...], cumpliendo así la tradición del pedido de casamiento*⁵. – [...] Рикардо встал на колени перед Лусией, [...], выполняя тем самым традицию предложения руки и сердца;

propuesta de matrimonio / de casamiento («предложение брака»): *Pero lo que nadie esperaba fue [...] una propuesta de matrimonio*⁶. – Но то, что никто не ожидал, [...]

1. <https://www.rbc.ru/life/news/6540a5e09a794716a3d99833>

2. <https://sport24.ru/tennis/news-581059-rossiyskiye-tennisisty-potapova-i-shevchenko-obyavili-o-pomolvke>

3. <https://www.rbc.ru/life/news/63fca6a09a79477baf3b6361>

4. <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/11/16/21720547.shtml>

5. <https://nuevarioja.com.ar/espectaculos/cosquin-un-bailarin-le-propuso-matrimonio-a-su-novia-en-el-esenario.htm>

6. <https://www.elcordillerano.com.ar/noticias/2024/01/23/180298-emotiva-propuesta-de-matrimonio-en-el-festival-nacional-de-folklore-de-cosquin>

это предложение руки и сердца. *La emoción [...] por la propuesta de casamiento [...] ante una multitud*⁷. – Эмоция [...] на предложение руки и сердца [...] перед толпой;

pedida de mano («просьба руки»): *Pedida de mano en el Balcón de Europa de Nerja* [...] ⁸. – Предложение руки на Балконе Европы в Нерхе [...].

Эквивалентами словосочетания «сделать предложение» в испанском языке выступают выражения «*pedir matrimonio*»⁹ и «*proponer matrimonio*»¹⁰ – просить о браке и предлагать брак, соответственно.

Медийный дискурс, реализующийся как иммерсивная среда, интегрирующая различные дискурсивные практики, включая юридическую, неизбежно трансформирует их функциональные и прагматические характеристики. Так, в медийном дискурсе высказывания и речевые акты, связанные с помолвкой как обещанием жениться, лишены терминологической строгости и перформативности, которые являются их преимущественной характеристикой в юридическом дискурсивном пространстве, и выполняют, главным образом, реферативную функцию, отсылая к денотативной ситуации. Поскольку разрыв помолвки происходит непублично и не сопровождается ритуальными действиями, он редко является поводом для публикаций СМИ, поэтому словосочетания *romper la promesa de matrimonio / el compromiso de matrimonio, ruptura de la promesa de matrimonio / de los esponsales, incumplir la promesa de matrimonio*, как правило, появляются в юридических, а не медийных текстах, и могут считаться номинациями, преимущественно характерными для юридического дискурса.

Следует отметить, что в российском медийном дискурсе поговорка «обещать не значит жениться» используется не только для освещения новостей о несостоявшихся бракосочетаниях. Генерализация значения поговорки привела к тому, что область её применения существенно расширилась и в настоящее время охватывает сферу политики, экономики, дипломатии и др.: «Обещать не значит жениться»: правительство встало на защиту застройщиков»¹¹ (публикация посвящена отзыву на законопроект, предусматривающий обязанность застройщиков выполнять рекламные обещания); «Почтовый сквер в Т.: обещать – не значит жениться» (новость о неисполнении администрацией города обещания благоустроить сквер)¹²; «Обещать не значит жениться: обновление парков автобусов в А. откладывается»¹³.

7. <https://www.revistagente.com/entretenimiento/la-emocion-de-cande-tinelli-por-la-propuesta-de-casamiento-de-coti-sorokin-ante-una-multitud/>

8. https://www.malagahoy.es/provincia/Pedida-Balcon-Europa-Nerja-internacional-historia-amor-mano-sorpresa-video_0_1842716490.html

9. https://www.elconfidencial.com/alma-corazon-vida/2023-10-07/pide-matrimonio-avion_3750327/

10. <https://nuevarioja.com.ar/espectaculos/cosquin-un-bailarin-le-propuso-matrimonio-a-su-novia-en-el-escenario.htm>

11. <https://sport.rambler.ru/football/52218388-obeschat-ne-znachit-zhenitsya-pravitelstvo-vstalo-na-zaschitu-zastrojchikov/?ysclid=Izif7rcxd556884230>

12. <https://bloknot-taganrog.ru/news/pochtovyy-skver-v-taganroge-obeshchat-ne-znachit-zh>

13. <https://bloknotanapa.ru/news/obeshchat-ne-znachit-zhenitsya-obnovlenie-parka-av>

В медийном дискурсе, таким образом, концепт помолвки утратил прецедентное ядро смысла, и поговорка «обещать не значит жениться» метафорически применяется к любой ситуации, в которой нарушается публичное обещание.

Взаимное обещание жениться и его неисполнение в юридическом дискурсе: история и современность

Юридический дискурс – важнейший компонент национального лингвокультурного пространства, поскольку именно в памятниках права и действующих законодательных актах отражается эволюция представлений народов различных государств о справедливости. В этой связи исследование правового регулирования помолвки позволяет оценить этот обряд не только в качестве элемента охраняемых государством социальных отношений, но и как дискурсивную номинацию, отражающую специфику вербализации социокультурных традиций и ритуалов в различных национально-языковых картинах мира. Когнитивно-смысловое наполнение концепта «помолвка» в юридическом дискурсе разных стран определяется герменевтикой исторических, социальных и правовых установок, воплощающих знания о мире, заложенные в национальном менталитете на лингвокогнитивном уровне.

В римском праве помолвка (лат. *sponsalia*) изначально представляла собой договор в форме клятвенного обещания заключить брак. В классический период римского права помолвка, или брачный сговор, означала договор, заключаемый между родителями жениха и невесты или между самими женихом и невестой с согласия родителей без каких-либо формальностей. Помолвка не служила основанием для подачи иска о возмещении убытков, и даже обещание уплатить определённую сумму в качестве штрафа в случае неисполнения обязательства вступить в брак признавалось недействительным: как заключение брака, так и его расторжение должны были совершаться свободно, а помолвка была призвана оказывать лишь некое моральное давление на жениха и невесту.

В постклассический период расторжение помолвки стало причиной для применения санкций имущественного характера. Безосновательное нарушение обещания жениться со стороны жениха влекло за собой утрату уплаченного им задатка, а со стороны невесты – обязанность возратить двукратный размер задатка. За совершение второй помолвки до заявления о расторжении первой применялась санкция в виде *infamia* – бесчестья. Лицо, по вине которого была расторгнута помолвка, лишалось права на возвращение сделанных им по случаю будущей свадьбы подарков, а пострадавшая сторона имела право вернуть себе все, что было подарено несостоявшемуся супругу.

Несмотря на распространённость помолвки как социального явления, действующее российское законодательство не предусматривает процедуры обручения как взаимного обещания вступления в брак: права и обязанности супругов возникают исключительно со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (п. 2 ст. 10 Семейного кодекса РФ).

В памятниках русского права встречается упоминание об обручении, но не о помолвке. В дореволюционной России существовало обручение как предварительное

соглашение о заключении брака и как обряд обмена кольцами, исполняемый при церковном венчании (Косарева 2007: 100). На Руси браки совершались исключительно в порядке церковного обручения, заимствованного из греко-римского права, и действовала традиция записей с «зарядами» – неустойкой за отказ от брака. Поскольку такие договоры зачастую заключались родителями несовершеннолетних задолго до брака, а размер неустойки был велик, это приводило к вынужденным бракам. Для укрепления принципа добровольности вступления в брак Пётр I ввёл запрет на меры имущественной ответственности за отказ от вступления в брак, и с 1702 года помолвка стала соглашением между двумя лицами о будущем заключении брака, которое порождает для обеих сторон «нравственный союз», не сопровождаемый юридическими последствиями.

В отличие от России, действующее гражданское законодательство Испании регулирует обещание жениться и последствия его неисполнения. Раздел IV «О браке» Гражданского кодекса Испании (ГК Испании), содержит главу I «Об обещании жениться», состоящую из двух статей.

В ст. 42 ГК Испании установлено, что обещание жениться (*promesa de matrimonio*) не создаёт обязанности вступить в брак или исполнить то, что установлено на случай, если брак не будет заключён, а иск о принуждении к исполнению обещания жениться не принимается к рассмотрению. В доктринальных источниках указывается, что данное правило основывается на принципе свободы брака, в силу которого брак не может существовать без свободного решения сторон (Abad Arenas 2012: 6), а согласие на заключение брака должно быть чистым – *puro* (López y López et al. 2017: 48).

В ст. 43 ГК Испании урегулированы юридические последствия неисполнения обещания жениться. Так, необоснованное неисполнение обещания вступить в брак влечёт за собой обязанность возместить другой стороне реально понесённые расходы и компенсировать обязательства, принятые на себя непосредственно в связи с обещанным браком. Срок исковой давности составляет один год с момента отказа от заключения брака. В соответствии со сложившейся судебной практикой компенсации подлежат расходы на ресторан, свадебное путешествие, приглашения и обручальные кольца. Компенсация морального вреда безосновательно брошенному жениху или невесте не присуждается: суд провинции Малага обосновал это тем, что упреки, основанные на чувстве вины, не могут влиять на свободное решение вступить в брак (Esteban, Desviat 2019).

Помолвка урегулирована и в ряде гражданских кодексов (ГК) латиноамериканских государств, где в качестве ключевого условия возникновения правовых последствий указывается взаимность обещания (*la promesa recíproca de futuro matrimonio* – ст. 41 ГК Венесуэлы) или его взаимное принятие (*la promesa de matrimonio mutuamente aceptada* – ст. 81 ГК Уругвая). В Уругвае обручение признаётся частным актом, который полностью подчинён чести и совести человека и не порождает обязательств; на это обещание нельзя ссылаться ни для того, чтобы требовать заключения брака, ни для того, чтобы требовать возмещения убытков; не допускается установление штрафа на случай неисполнения обещания (ст. 81–82 ГК Уругвая). ГК Колумбии содержит схожее регулирование, в качестве синонима термина *esponsales* используется *desposorios*; можно требовать возврата вещей, подаренных и переданных с условием

заключения брака, которое не было выполнено (ст. 110–112 ГК Колумбии). В Венесуэле право на возмещение расходов на подготовку к свадьбе возникает только в случае официального оформления помолвки с участием уполномоченного должностного лица (ст. 66–71 ГК Венесуэлы). В Парагвае суд может назначить компенсацию морального вреда, если нарушение обещания причинило серьёзные страдания невинному; также можно требовать возврата подарков, причём если они имели денежную форму, применяются нормы о неосновательном обогащении (ст. 137–138 ГК Парагвая).

Таким образом, именно в национальном когнитивном пространстве юридического дискурса правовые понятия наделяются концептуальным содержанием, превращаясь в термины, обладающие семантической устойчивостью и не допускающие метафорических трансформаций. Юридические термины, толкования и интерпретации являются важной частью когнитивного пространства лингвокультуры и национальной картины мира языкового коллектива как целостной, упорядоченной системы мировосприятия и мировоззрения, представлений об окружающей действительности, которая опосредована языковыми знаками и отражает культурно-национальную ментальность языкового коллектива (Телия 1999: 14). В юридическом дискурсе концепт помолвки связан с концептом свободы, предполагающим добровольность вступления в брак обеих сторон, а также с концептом добросовестности, предполагающим учёт прав и интересов другой стороны и наступление негативных последствий в случае неосновательного неисполнения обещания, если это привело к причинению убытков.

Обещание жениться как перформативный речевой акт в юридическом дискурсе

В тех странах, где взаимно принятое обещание вступить в брак имеет правовые последствия, помолвка объективируется как перформативный речевой акт юридического дискурса. Согласно классификации речевых актов Дж. Остина (Austin 1962), обещание жениться следует относить к перформативным высказываниям, которые в момент их произнесения эквивалентны совершению действия и не направлены на его описание. Перформативы как речевые акты служат не столько для сообщения информации о происходящем, сколько декларируют намерения адресанта, призывают к действиям и через дискурс репрезентируют осуществление поступка, выступая как дискурсивное средство превращения действия, события, ситуации или иного явления действительности в факт сознания.

В юридическом дискурсе использование перформативов, эквивалентных юридически значимым действиям, порождает возникновение предусмотренных законом правовых последствий. Эффект перформативности таких действий вызывается произнесением ритуальных слов в определённых ситуациях по принятым правилам. Предложение руки и сердца зачастую осуществляется в виде стандартизированных вопросительных или императивных высказываний («Согласна ли ты стать моей женой?», «Будь моей женой», «Выходи за меня (замуж)», «Давай поженимся» и т.п.), которые могут сопровождаться или заменяться традиционными действиями (мужчина встаёт на колени, дарит кольцо), а принятие предложения – в виде положительного

ответа на вопрос («Да», «Я согласна» и т.п.) или жеста (кивка головой и принятия кольца). Однако вне зависимости от формы, в которой делается предложение, все речевые акты и невербальные компоненты помолвки несут в себе, помимо собственно сообщения о намерениях адресату, перформатив «Я обещаю жениться на тебе» – речевой акт, посредством которого совершается обещание вступить в брак. Положительный ответ девушки на вопрос равнозначен встречному согласию на вступление в брак и заключает в себе иной перформатив – «Я обещаю выйти за тебя замуж». Следовательно, речевые акты-обещания, которыми обмениваются при совершении помолвки вне зависимости от используемых в них вербальных и невербальных форм общения, имеют в качестве семантического ядра классические перформативные выражения, которыми традиционно выступают глагольные формы 1 лица единственного и множественного числа и формы императива, а также утвердительные жесты.

Таким образом, опираясь на теорию Дж. Остина (Austin 1966: 427–440), подчеркнём, что обещание заключить брак является полноценным перформативным речевым актом, имеющим следующие составляющие: локутивная (произнесение стандартизированных речевых формул или совершение традиционного жеста), иллюкутивная (декларация намерения вступить в брак с адресатом высказывания) и перлокутивная (комиссив – обещание или клятва).

Обещание жениться в литературном дискурсе

В отличие от медийной и юридической дискурсивной среды, в литературном дискурсе через вербализацию прагматической ситуации «помолвка» и речевого акта «обещание жениться» раскрываются морально-нравственные последствия нарушения данного обещания и налагаемых в связи с ним обязательств.

Библия как величайший литературный памятник хранит отражение древних ритуалов, традиций, мифов, определявших устои жизни древних народов. Так, в Евангелии от Матфея находим следующие строки: «[...] по обручении [...] Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф же муж Её, будучи праведен и не желая огласить Её, хотел тайно отпустить Её» (Евангелие 2023: 5). Несмотря на то, что брак ещё не был заключён, Иосиф назван мужем Марии, поскольку в те времена обручение означало заключение договора, в соответствии с которым мужчина и женщина будут мужем и женой исключительно друг для друга. Вследствие этого расторжение помолвки из-за нарушения верности после обручения приравнивалось к нарушению верности в браке и наказывалось по аналогии: согласно закону Моисееву, если обручённая девушка была неверна жениху до брака, то её и того, с кем эта верность была нарушена, до смерти побивали камнями перед воротами города. Избежать позорной казни можно было, получив от мужа «разводное письмо», в котором указывалась причина развода, но Иосиф, не ведая об истинном положении дел, и «будучи праведен», не только не хотел подвергнуть Марию мучительной казни, но и не желал позорить («огласить») её разводным письмом, отдав предпочтение тому, чтобы просто отпустить её (Бухарев 1899).

Хрестоматийным примером морально-нравственных последствий нарушения данного женщине обещания жениться в русском литературном пространстве является история православных святых Петра и Февронии, в честь которых в России ежегодно 8 июля отмечается День семьи, любви и верности. Святые князья Пётр и Феврония, жившие в XIII веке, почитаются как покровители супружеской любви и семейного счастья, однако повесть о них, написанная священником Еромолаем (Еразмом), содержит весьма нравоучительное обстоятельство, связанное с неисполнением обещания жениться. Князь Пётр, заболевший тяжёлым недугом, приехал в Рязанскую землю и отправил своего отрока искать лекаря. Когда тот нашёл Февронию, девушка в ответ на обещание богатств сказала, что ей не подобает лечить Петра, если она не станет ему супругой. Князь обещал жениться на ней, но поскольку она была дочерью простого древолаза, обещание своё заведомо решил не выполнять. Феврония вылечила князя, но не полностью, и так как он не сдержал данного ей слова, попытавшись откупиться дарами, болезнь снова дала о себе знать. И тогда князь Пётр вернулся к Февронии со стыдом, прося об окончательном исцелении, сдержал слово и женился на ней, а их брак стал образцом семейных отношений для многих поколений (Маркова 2017: 76–77).

Постыдность неисполнения обещания жениться и его негативные последствия для судьбы человека проиллюстрированы Толстым Л.Н. в романе «Война и мир», где описывается не приведшая к свадьбе тайная помолвка между главными героями – Наташей Ростовой и князем Андреем Болконским. В романе подчёркивается важность мнения родителей в этом вопросе: прежде чем сделать предложение Наташе, князь просит благословения у отца, но тот выступает категорически против. Князь Болконский делает предложение Наташе, однако с отсрочкой свадьбы на один год. Андрей настоял на том, чтобы о помолвке не было объявлено, и поскольку он был причиной отсрочки, то считал связанным обязательством только себя, но не Наташу, предоставляя ей полную свободу в том, чтобы отказать ему. После неудачного знакомства с родственниками жениха обиженная невеста влюбляется в красавца Анатоля Курагина, который предлагает устроить побег и тайно венчаться. Наташа пользуется своим правом и разрывает помолвку с Волконским, напоминая в письме о предоставленной ей свободе. Побег не удаётся, Курагин оказывается женатым, и Наташа испытывает угрызения совести из-за того, что незаслуженно причинила боль Андрею Болконскому. Важно отметить, что, хотя Андрей дал своей тайной невесте полную свободу выбора, он отказался простить её. Только после ранения, находясь между жизнью и смертью, Волконский прощает изменницу. Герои примиряются, между ними снова возникает любовь, но им не суждено быть вместе: несмотря на все старания Наташи выходить Андрея, он умирает (Толстой 2008).

Классические произведения испанского литературного дискурса также служат цели воспитания и сохранения морально-нравственных ценностей в обществе, утверждения необходимости оставаться верным данным обещаниям. Величайший роман М. де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», хотя и не содержит сцен, напрямую связанных с помолвкой как частью матримониального ритуала, глубоко проникнут идеей уважения к женщине как идеалу, вдохновляющему мужчину-рыцаря на подвиги, для которого верность слову является доблестью. На страницах романа Дон Кихот (*Don Quixote de La Mancha*), объявивший Дульсинею

Тобосскую (*Dulcinea del Toboso*) своей возлюбленной и дамой сердца, не даёт обещания жениться. Он выбирает Дульсинею как идеал-вдохновение и сохраняет ей верность, в каких бы ситуациях ни оказался, совершая подвиги при условии, что это «не во вред и не в ущерб ни моему королю, ни моей родине, ни той, которая владеет ключами моего сердца и моей свободы» (Сервантес 2003: 213) – «*como no se haya de cumplir en daño o mengua de mi rey, de mi patria y de aquella que de mi corazón y libertad tiene la llave*» (Cervantes 1998). Так, Дон Кихот категорически отказывается жениться на знатной принцессе, несмотря на все блага, которые сулила свадьба: «ибо память моя занята, воля и разум похищен той...; а только невозможно мне не только жениться, но даже и помыслить о женитьбе...» (Сервантес 2003: 221) – «*porque, mientras que yo tuviere ocupada la memoria y cautiva la voluntad, perdido el entendimiento, a aquella..., no es posible que yo arrostre, ni por pienso, el casarme...*» (Cervantes 1998). Дон Кихот восклицает о своей возлюбленной: «она одна даёт силу моей руке, и без неё я не смог бы убить и блохи» – «*si no fuese por el valor que ella infunde en mi brazo, que no le tendría yo para matar una pulga*» (Cervantes 1998), «она сражается во мне и побеждает мною, а я живу и дышу ею, и от неё моя жизнь и бытие» (Сервантес 2003: 222) – «*ella pelea en mí, y vence en mí, y yo vivo y respiro en ella, y tengo vida y ser*» (Cervantes 1998). Таким образом, сохранение верности данному слову и женщине, покорившей сердце, прославляется как необходимый нравственный устой общества, нарушение которого позорно. Приоритет духовных ценностей, воплощённый в образе Дон Кихота, в русском культурно-языковом сознании способствовал превращению образа благородного рыцаря в концепт русской культуры, а его имени – в коннотоним, национально-прецедентное имя, символизирующее такие качества, как доблесть, смелость, благородство, верность слову и бескорыстность (Иванова 2022: 107–110).

Глубокий символизм «кровавой свадьбы» – не как личностной, а как сущностной истории – сквозь призму андалузской мифологии раскрывает Ф. Гарсия Лорка в одноимённом произведении, ставшем знаковым в литературном наследии Испании (García Lorca 2014). Неуважение устоев и неисполнение взятых на себя обетов становятся источником трагедии, которая разворачивается как поединок между Судьбой и Смертью: фатальная страсть героев, их попытка изменить судьбу, нарушив обещание, обречены, и только смерть вершит правосудие и восстанавливает справедливость.

Вербализация прагматической ситуации «помолвка» в литературном дискурсе русской и испаноязычной лингвокультур, при сохранении их уникального национального своеобразия, реализует этическую функцию моральной оценки при отказе от действий, исполнение которых обусловлено нравственной необходимостью. Прагматика утверждения этических ценностей как норм, идеалов и как критериев выбора и оценки, мотивирующей человеческую деятельность, объективирует в процессе художественной коммуникации репрезентацию и интерпретацию культурно-нравственных кодов общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ в русской и испаноязычных лингвокультурах вербализаций денотативной ситуации «помолвка» и обещания жениться, которые ранее не исследовались с точки зрения их лексикографических дефиниций и в качестве компонентов медийного, юридического и литературного дискурсов, проведён в рамках герменевтического подхода к интерпретации коммуникативных единиц, репрезентирующих различные концепты и феномены культуры. Ритуал помолвки как часть обрядовой жизни народа и как лингвосемиотический знак дискурсивного пространства обладает рядом национально-специфичных признаков, не совпадающих в разных лингвокультурах. Обещание жениться как сообщение об обязательстве, которое человек берёт на себя, и как перформативный речевой акт, то есть дискурсивное осуществление поступка, обладает лингвокультурной спецификой и определяется, среди прочих, коммуникативными, фактуально-событийными, юридическими и ценностными доминантами, отражающими национально-языковую картину мира и когнитивные представления народа.

Русские и испаноязычные лексикографические источники словарного описания лексем семантической группы «помолвка», а также поговорки, имплицитно обозначающие концепт «обещание», отражают отличительные характеристики понятий, обозначаемых соответствующими словами, которые являются ключевыми для определяемых концептов в разных лингвокультурах. Существительные помолвка (обещание жениться) / *esponsales (promesa de matrimonio)* вербально репрезентируют красивую традицию, имеющую длительную историю развития в обществе и продолжающую существовать во многих государствах в качестве правового явления.

В российском медийном дискурсе используются словосочетания, включающие существительные «предложение», «помолвка» и однокоренные слова. В испанских СМИ, несмотря на наличие легальных терминов *promesa de matrimonio* и *esponsales*, предпочтение отдаётся иным словосочетаниям, выражающим предложение или просьбу о заключении брака. Употребление перечисленных номинаций в русскоязычном и испаноязычном медийных дискурсах лишено перформативности и ориентировано на реализацию реферативной функции, отсылающей к денотативной ситуации.

В России помолвка издревле не имеет правовых последствий и не является компонентом юридического дискурса. В испаноязычном юридическом дискурсе помолвка представляет собой обмен перформативными речевыми актами, семантическим ядром которых для каждого адресата высказывания выступает обещание вступления в брак и одновременно принятие на себя обязательств имущественного характера. В законодательстве Испании установлена обязанность лица, виновного в разрыве помолвки, компенсировать добросовестной стороне понесённые расходы, связанные с подготовкой к свадьбе, и обязательства, взятые на себя в связи с обещанным браком, а в ряде стран Латинской Америки – обязанность компенсировать моральный вред и возратить подарки, полученные в связи с помолвкой.

Являясь средой художественного осмысления и постижения мира, литературный дискурс репрезентирует культурные коды в определённом пространственно-временном континууме и в значительной степени обладает качеством универсальности, одновременно сохраняя национальную специфичность, что позволяет стирать

границы национальных лингвокультурных пространств и формировать концепты общечеловеческих ценностей. Как в русскоязычном, так и в испаноязычном литературных дискурсах разрыв помолвки рассматривается под схожей призмой морально-нравственного осуждения, а иллюстрация негативных последствий нарушения обещания жениться в судьбах героев способствует реализации воспитательной функции художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ABAD ARENAS, E. (2012). La promesa de matrimonio en el Código civil español: revisión del régimen jurídico y de las consecuencias patrimoniales del incumplimiento de los esponsales. *La Rivista Comparazione e diritto civile*. Retrieved from https://www.comparazioneDirittocivile.it/data/uploads/colonna%20sinistra/3.%20famiglia/arenas_promesa2012.pdf.
2. ARIÑO, B. & FAUS, M. (2024). Esponsales o promesa del matrimonio. *vLex*. Retrieved from <https://vlex.es/vid/esponsales-promesa-matrimonio-568783666>.
3. AUSTIN, J. L. (1962). *How to Do Things with Words. The William James Lectures Delivered in Harvard University in 1955*. Oxford: Oxford University Press.
4. AUSTIN, J. L. (1966). Three Ways of Spilling Ink. *The Philosophical Review*, 75(4), 427–440.
5. CERVANTES, M. de (1998). *El ingenioso hidalgo Don Quixote de la Mancha*. Barcelona: Edición del Instituto Cervantes. La editorial Crítica Barcelona. Retrieved from <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/default.htm>.
6. ESTEBAN, P. & DESVIAT, I. (2019, February 14). Prometer matrimonio y no cumplir puede obligar al pago de una indemnización. *EL PAÍS*. Retrieved from https://elpais.com/economia/2019/02/14/mis_derechos/1550144888_841498.html.
7. GARCÍA LORCA, F. (2014). *Bodas de sangre y La casa de Bernarda Alba*. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Grupo Editorial Norma S.A.
8. LÓPEZ Y LÓPEZ, Á.M. & VALPUESTA FERNÁNDEZ, R. (2017). *Derecho de familia*. Valencia: Tirant lo Blanch.
9. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: *Diccionario de la lengua española*, 23.ª ed. (DLE). Retrieved from <https://dle.rae.es>.
10. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: *Diccionario panhispánico del español jurídico* (DPEJ). Retrieved from
11. SEVILLA MUÑOZ, J. & ZURDO RUIZ-AYÚCAR, M. I. T. (Eds.) (2009). *Refranero multilingüe*. Madrid: Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes). Retrieved from <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/>.
12. АПРЕСЯН, Ю. Д. (2006). Основные принципы и понятия системной лексикографии. В Ю.Д. Апресян (Ред.), *Языковая картина мира и системная лексикография* (pp. 33–109). Москва: Языки славянских культур.
13. БОГДАНОВА, Л. И. (2018). Академический дискурс: проблемы теории и практики. *Cuadernos de Rusística Española*, 14, 81–92.
14. БУХАРЕВ, И. Н. (1899). *Толкование на Евангелие от Матфея*. Москва: Кн. маг. В.В. Думнова п/ф «Насл. бр. Салаевых».

15. ГАДАМЕР, Г.-Г. (1991). *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство.
16. ГРИГОРЬЕВ, Б. В. (2002). *Герменевтика и теория интерпретации*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета.
17. ДАЛЬ, В. И. (1881, 1882). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
18. *Евангелие* (2023). Москва: Данилов ставропигиальный мужской монастырь.
19. ИВАНОВА, Л. П. (2021). Образ Дон Кихота в дихотомии «свой – чужой» (лингво-магологический и этнопсихологический подходы). *Cuadernos de Rusística Española*, 17, 105–115.
20. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (Ред.). (1988). *Теория языка и словари: материалы всесоюзной конференции*. Кишинев: Штиинца.
21. КАШИН, В. В. (2000). *Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания*. Уфа: Издательство БГУ.
22. КОСАРЕВА, И. А. (2007). Необходим ли институт помолвки в России: история русского законодательства и опыт законодательств иностранных государств (на примере Германии). *Власть и управление на Востоке России*, 2(39), 99–104.
23. ЛАРИОНОВА, М. В. & ДЕМКИНА, А. В. (2020). Когнитивно-прагматический потенциал эортонимов в русском и испанском паремических дискурсах. *Cuadernos de Rusística Española*, 16, 27–38.
24. ЛЕВИНТОВА, Э. И. & ВОЛЬФ, Е. М. (1985). *Испанско-русский фразеологический словарь*. Москва: Русский язык.
25. МАЛАХОВ, В. С. (2010). Герменевтика. В В.С. Степин (Ред.), *Новая философская энциклопедия*. Москва: Мысль.
26. МАРКОВА, А. (2017). *Святые Петр и Феврония Муромские*. Москва: Благовест.
27. НЕСТЕРОВ, А. Ю. (2005). *Герменевтика и семиотика: методические указания*. Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет.
28. ОЖЕГОВ, С. И. (1999). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник.
29. РАСТЬЕ, Ф. (2001). *Интерпретирующая семантика: пер. с франц. А.Е. Бочкарева*. Нижний Новгород: Деком.
30. СЕРВАНТЕС, М. де (2003). *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский*. Москва: Наука.
31. ТЕЛИЯ, В. Н. (1999). Основные постулаты лингвокультурологии. В Н.Н. Болдырев (Ред.), *Филология и культура: материалы II международной конференции* (pp. 14-15). Тамбов: Изд-во ТГУ.
32. ТОЛСТОЙ, Л. Н. (2008). *Война и мир: роман в четырех томах*. Москва: Эксмо.
33. УШАКОВ, Д. Н. (1938, 1939). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
34. ШЛЕЙЕРМАХЕР, Ф. (2004). *Герменевтика: пер. с нем. А.Л. Вольского*. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

BIBLIOGRAPHY

1. ABAD ARENAS, E. (2012). La promesa de matrimonio en el Código civil español: revisión del régimen jurídico y de las consecuencias patrimoniales del incumplimiento de los esponsales. *La Rivista Comparazione e diritto civile*. Retrieved from <https://www.>

- comparazionedirittocivile.it/data/uploads/colonna%20sinistra/3.%20famiglia/arenas_promesa2012.pdf.
2. APRESYAN, YU. D. (2006). Osnovnye principy i ponyatiya sistemnoj leksikografii [Basic principles and concepts of system lexicography]. In YU. D. Apresyan (Ed.), *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* (pp. 33–109). Moskva: YAzyki slavyanskih kul'tur.
  3. ARIÑO, B. & FAUS, M. (2024). Esponsales o promesa del matrimonio. *vLex*. Retrieved from <https://vlex.es/vid/esponsales-promesa-matrimonio-568783666>.
  4. AUSTIN, J. L. (1962). *How to Do Things with Words. The William James Lectures Delivered in Harvard University in 1955*. Oxford: Oxford University Press.
  5. AUSTIN, J. L. (1966). Three Ways of Spilling Ink. *The Philosophical Review*, 75(4), 427–440.
  6. BOGDANOVA, L. I. (2018). Akademicheskij diskurs: problemy teorii i praktiki [Academic discourse: problems of theory and practice]. *Cuadernos de Rusística Española*, 14, 81–92.
  7. BUHAREV, I. N. (1899). *Tolkovanie na Evangelie ot Matfeya* [Interpretation on the Gospel of St Matthew]. Moskva: Kn. mag. V.V. Dumnova p/f «Nasl. br. Salaevyh».
  8. CERVANTES, M. de (1998). *El ingenioso hidalgo Don Quixote de la Mancha*. Barcelona: Edición del Instituto Cervantes. La editorial Crítica Barcelona. Retrieved from <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/default.htm>
  9. CERVANTES, M. De (2003). *Hitroumnyj idal'go Don Kihot Lamanchskij* [The ingenious hidalgo Don Quixote de la Mancha]. Moskva: Nauka.
  10. DAL', V. I. (1881, 1882). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moskva, Sankt-Peterburg: Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa.
  11. ESTEBAN, P. & DESVIAT, I. (2019, February 14). Prometer matrimonio y no cumplir puede obligar al pago de una indemnización. *EL PAÍS*. Retrieved from https://elpais.com/economia/2019/02/14/mis_derechos/1550144888_841498.html.
  12. *Evangelie* (2023) [Gospel]. Moskva: Danilov stavropigial'nyj muzhskoj monastyr'.
  13. GADAMER, G.-G. (1991): Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of beauty]. Moskva: Iskusstvo.
  14. GARCÍA LORCA, F. (2014). *Bodas de sangre y La casa de Bernarda Alba*. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Grupo Editorial Norma S.A.
  15. GRIGOR'EV, B. V. (2002). *Germenevtika i teoriya interpretacii* [Hermeneutics and the theory of interpretation]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta.
  16. IVANOVA, L. P. (2021): Obraz Don Kihota v dihotomii «svoj – chuzhoj» (lingvoimagologicheskij i etnopsihologicheskij podhody) [The image of Don Quixote in the dichotomy “friend - stranger” (linguoimagological and ethnopsychological approaches)]. *Cuadernos de Rusística Española*, 17, 105–115.
  17. KARAULOV, YU. N. (Ed.). (1988). *Teoriya yazyka i slovari: materialy vsesoyuznoj konferencii* [Language Theory and Dictionaries: Proceedings of the All-Union Conference]. Kishinev: SHTiınca.
  18. KASHIN, V. V. (2000). *Ontologicheskie i gnoseologicheskie problemy genezisa ponimaniya* [Ontological and epistemological problems of the genesis of understanding]. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.

19. KOSAREVA, I. A. (2007). Neobhodim li institut pomolvki v Rossii: istoriya russkogo zakonodatel'stva i opyt zakonodatel'stv inostrannyh gosudarstv (na primere Germanii) [Is the institution of engagement necessary in Russia: the history of Russian legislation and the experience of legislation of foreign countries (using the example of Germany)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2(39), 99–104.
20. LARIONOVA, M. V. & DEMKINA, A. V. (2020). *Kognitivno-pragmaticheskij potencial eorthonimov v russkom i ispanskom paremicheskikh diskursah* [Cognitive and Pragmatic Potential of Eorthonyms in Russian and Spanish Paremic Discourses]. *Cuadernos de Rusística Española*, 16, 27–38.
21. LEVINTOVA, E. I. & VOL'F, E.M. (1985): *Ispansko-russkij frazeologicheskij slovar'*. [Spanish-Russian phraseological dictionary]. Moskva: Russkij yazyk.
22. LÓPEZ Y LÓPEZ, Á.M. & VALPUESTA FERNÁNDEZ, R. (2017). *Derecho de familia*. Valencia: Tirant lo Blanch.
23. MALAHOV, V. S. (2010). Germenevtika [Hermeneutics]. In V.S. Stepin (Ed.), *Novaya filosofskaya enciklopediya*. Moskva: Mysl'.
24. MARKOVA, A. (2017). *Svyatye Petr i Fevroniya Muromskie* [Saints Peter and Fevronia of Murom]. Moskva: Blagovest.
25. NESTEROV, A. YU. (2005). Germenevtika i semiotika: metodicheskie ukazaniya [Hermeneutics and semiotics: methodological guidelines]. Samara: Samarskij gosudarstvennyj aerokosmicheskij universitet.
26. OZHEGOV, S. I. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva: Azbukovnik.
27. RAST'E, F. (2001). Interpretiruyushchaya semantika: per. s franc. A.E. Bochkareva [Interpretive Semantics: transl. from French by A.E. Bochkarev]. Nizhnij Novgorod: Dekom.
28. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: *Diccionario de la lengua española*, 23.ª ed. (DLE). Retrieved from <https://dle.rae.es>.
29. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: *Diccionario panhispánico del español jurídico* (DPEJ). Retrieved from
30. SEVILLA MUÑOZ, J. & ZURDO RUIZ-AYÚCAR, M. I. T. (Eds.) (2009). *Refranero multilingüe*. Madrid: Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes). Retrieved from <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/>.
31. SHLEJERMAHER, F. (2004). Germenevtika: per. s nem A.L. Vol'skogo [Hermeneutics: transl. from German. A.L. Volsky]. SPb.: Evropejskij Dom.
32. TELIYA, V. N. (1999). Osnovnye postulyaty lingvokul'turologii [The main postulates of linguocultural science]. In N.N. Boldyrev (Ed.), *Filologiya i kul'tura: materialy II mezhdunarodnoj konferencii* (pp. 14-15). Tambov: Izd-vo TGU.
33. TOLSTOJ, L. N. (2008). *Vojna i mir: roman v chetyrekh tomah* [War and Peace: a novel in four volumes]. Moskva: Eksmo.
34. USHAKOV, D. N. (1938, 1939). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej.